

ТРАНСФЕРТЫ, ОФЕРТЫ, ДИВИДЕНДЫ И ПРОЧЕЕ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД УСТНЫМ И ПИСЬМЕННЫМ
ПЕРЕВОДОМ С ИТАЛЬЯНСКИМИ СТУДЕНТАМИ-
СТАЖЁРАМИ В БЭУ, ГОРОД БУДАПЕШТ)

Lj. Zecchini – T. Mihalik

В Будапештском Университете экономических наук вот уже пятый год в сентябре месяце проводятся интенсивные курсы русского языка для студентов школы переводчиков из г.Триест. Материал и тематическое содержание этих курсов с течением времени претерпели своеобразное изменение. Если раньше темами наших занятий являлись в лучшем случае страноведческие материалы, а студенты-выпускники этой школы выбирали в качестве дипломной работы переводы произведений Булгакова или в крайнем случае В.Маканина, то сейчас всё чаще они обращаются к словарям или монографиям, занимающимся языком рыночной экономики. Естественно, изменился и профиль наших занятий. Сейчас в центре наших занятий – экономические тексты, экономическая терминология и переводы статей экономического характера. Интерес студентов к экономической терминологии объясняется тем, что в последнее время в Италии появилось много итало-русских совместных фирм и предприятий, которым нужны переводчики, хорошо знающие русский язык. Если раньше большого труда не составляло чтение и перевод русско-советских статей по экономике, то сейчас обучение языку экономики связано с определёнными трудностями, так как на практике будущие переводчики будут сталкиваться с материалами договоров, соглашений о поставках товаров, документами банковского, биржевого и коммерческого характера. К тому же для обучения новой терминологии нужны, естественно, соответствующие учебники и пособия, которых у нас практически нет. Пришлось искать другие источники и другие пути.

Естественно, что прежде всего мы обратились к газетам в надежде найти самую свежую информацию и современную терминологию, и вот что мы нашли. Возьмём отнюдь не сугубо профессиональную газету „Московские

новости”. В пятом номере за январь 1995 года в рубрике *Бизнес-ритм*, что само по себе звучит не по-русски, есть такие фразы: „Упали курсы практически всех бумаг, входящих в рейтинг популярности. Снижение сводного индекса АК&М и индекса акций промышленных предприятий произошло главным образом из-за снижения котировок акций НК «Лукойл», РАО «ЕЭС России» и «Юганскнефтегаза»”. При желании можно, конечно, проведя „расследование”, перевести на понятный для студентов язык все эти сокращения и термины, которые встречаются в приведённом отрывке, но вряд ли стоит это делать, ведь говоря экономическим спец. языком, „сводный коэффициент полезности при этом сильно падает”.

Итак, наша первая попытка прямой замены устаревших учебников экономическими статьями из газет и журналов окончилась безуспешно. Каким же образом можно обучить студентов новой терминологической лексике в изменившихся условиях? Попробуем обратиться к словарям-справочникам, которых в последнее время появилось великое множество. Возьмём, например, *Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках* (Бобылёв 1992). Такой словарь был издан в России впервые, говорить о важности подобных изданий, мне кажется, не стоит. Посмотрим, что может взять из него преподаватель русского языка для своих практических целей. Во-первых, открыв словарь, мы сразу же обнаруживаем огромное количество заимствований. Это кальки в основном с английского, немецкого и итальянского языков. Например, на стр. 224 фигурируют следующие термины *тезаврация, тикер, тайминг, тираж, трассат, трассант, титулы, ценные бумаги, бланковый документ, титул номинальный*. Пожалуй, только *ценные бумаги* звучат по-русски. Итак, большая часть терминов экономической лексики – это заимствования, кальки из английского, немецкого и итальянского языков. Классифицируя эти заимствования из других языков, можно выделить среди них несколько групп. Первую группу составляют такие термины, как *аваль, аванс, авизо*, давно ставшие экономическими терминами в русском языке, утратившими нередко уже своё „иноземное” обличье и ведущие себя, как коренные слова, т.е. имеющие глагольную форму и/или форму прилагательного от этих слов (см. *авансировать*,

авансовый платёж и т.д.). Другая группа – это слова-термины, которые всё ещё пишут в кавычках и нередко объясняют их значение в скобках. Например: „бай-бэк” (сделка на условиях компенсации); „шоуинг” (показ); „суич” (обмен) и т.д. Между двумя этими группами располагается большое количество подгрупп, в которых наблюдается переосмысление уже имеющихся терминов и общеупотребительных слов. Так, переосмысливается термин *долг*: даётся два варианта: *деbt* и *долг* и поясняется, что здесь *долг* понимается как *результат предоставленного кредита* (Бобылёв 1992: 96). Или другой пример. Термин *трассант* уже давно вошёл в русскую терминологию и в данном случае имеет следующее объяснение: „лицо, выставившее тратту и подписавшее чек”. Но в другом контексте при значении: „лицо, давшее обязательство выкупить определённое число акций либо облигаций в момент их эмиссии” – даётся двойной термин *подписчик, трассант*.

С другой стороны, наряду с тенденцией заимствования иностранных терминов, в первую очередь из английского, немецкого и итальянского языков, хотя есть случаи заимствования из испанского (например, *сальдар*, что значит: *ликвидировать, оплатить, закрыть счёт, долг* и т.д.), наблюдается и возрождение давно забытых старых терминов. Так, один из банков России предлагает называть „свидетельство о депонировании” – „купчей”, так как это и короче, и точнее, по их мнению. Такой термин в последние 70 лет не употреблялся за неимением предмета, который он называл.

Возвращаясь к заимствованиям из других языков, в частности из итальянского, следует отметить, что больше всего терминов, пришедших из итальянского языка, встречается в банковской сфере. Возьмём, например, такой термин, как *делькредере*. К нему в указанном словаре имеются следующие объяснения:

1. Риск, связанный с предоставлением кредита;
2. Гарантия против некредитоспособности должника;
3. Резервный фонд, существующий в банках для покрытия возможных потерь в связи с невозвращением предоставленных кредитов;
4. Поручительство комиссионера за выполнение покупателем финансовых обязательств.

Нетрудно заметить, что значения данного термина в русском языке весьма противоречивы, если не прямо противоположны, например 1-е и 2-е значения. Интересно, что английское и испанское соответствия в указанном словаре отсутствуют.

Непосредственными заимствованиями из итальянского языка являются другие два термина: *счёт „лоро”* и *счёт „ностро”*, к которым присоединился термин *счёт „востро”*, употребляемый в настоящее время в качестве синонима к термину *счёт „лоро”*.

Говоря об изменениях в терминах, заимствованных из других языков, интересно проследить, как изменяется написание термина в процессе пользования им. Так, термин *трансфер(т)*, употребляемый в разных значениях, основное из которых: *перевод денег из банка в банк*, имел раньше букву „т” в конце слова, а впоследствии, возможно, под влиянием немецкого или английского эквивалентов, а также для удобства при пользовании формой прилагательного в таких сочетаниях как *трансфер(т)ный риск*, термин всё чаще стал употребляться без буквы „т” в конце слова и теперь в разных справочниках имеет разное написание, но тенденция к окончательной потере буквы „т” ясно прослеживается. Подобная трансформация произошла и с термином *оф(ф)ерта*, который в настоящее время тоже имеет двойное написание – с одним или с двумя „ф”.

Итак, не только в употреблении, но и в написании терминов всё ещё имеются серьёзные расхождения, которые будут нормированы, по всей вероятности, с течением времени вместе с установлением нормативности вообще в экономической терминологии в русском языке. А пока мы вынуждены удовлетворяться набором в большинстве своём заимствованных из других языков, часто смешиваемых и синонимичных, нередко неточно употребляемых терминов. Наглядным примером подобного смешения и неточного употребления терминов могут служить термины *брокер – дилер – джоббер*. В упомянутом выше словаре термин *брокер* встречается четыре раза и в объяснениях к нему имеются отклонения в значениях, но общее в этих значениях это определение *брокера* как *биржевого агента*. Другой термин, *дилер*, относят к англосаксонским терминам и дают следующее объяснение: „Биржевой агент, работающий

не только на своих клиентов, но и проводящий биржевые операции за свой счёт” (*там же*, 86). Обратившись же к *джерберу*, находим, что это „Брокер, действующий на Лондонской бирже не только как посредник, но и как заинтересованное лицо”. Итак, круг замкнулся. На основании этих дефиниций вряд ли можно определить разницу в значениях этих терминов. И всё же, несмотря на разноречивость и противоречивость в употреблении и описании терминов, подобные словари являются наиболее приемлемыми и надёжными источниками получения новой информации в отношении экономической терминологии, и трудно переоценить помощь, которую они оказывают преподавателям и студентам в усвоении языка рыночной экономики.

Наряду с заимствованием терминов и возрождением старых понятий и дефиниций особенностью экономической лексики последних лет является так называемое „размывание” и отклонение в значениях общепринятых терминов, замена их другими, синонимичными, нередко заимствованными. Так, вместо *показателя* дохода (текущего потребления) в газетах пишут об *индикаторах*, характеризующих уровень жизни, хотя в *Словаре иностранных слов* такого значения у термина *индикатор* нет. Подобное разграничение уже имевших хождение терминов от употребляемых в настоящее время вызвано, по всей вероятности, потребностью отделить термины языка рыночной эпохи от терминов предыдущей эпохи, то есть другими словами, назвать новое явление или новый предмет новым термином. Таким образом сейчас вместо *бюро* говорят и пишут *офис*, вместо *представление фирмы* – *презентация фирмы*; вместо *предпринимательство, дело* – *бизнес*; вместо *директор объединения* – *президент ассоциации*; вместо *обслуживание* – *сервис*; вместо *страховое обеспечение* – *страховой полис* и т.д. Наряду с этим появляются, естественно, и новые понятия, а с ними и новые термины, которые нередко сразу же начинают употреблять в сокращении. Так, наряду с термином *прожиточный минимум* (ПМ) директор Всероссийского центра уровня жизни при Минтруда РФ употребляет термин *минимальный потребительский бюджет* (МПБ), который означает совокупность так называемых разумных потребностей человека в отличие от элементарных (ПМ),

поддерживающих работоспособность и здоровье людей. Итак, обратившись при работе с итальянскими студентами к экономическим текстам и экономической терминологии, мы ясно представляли себе, с какими трудностями нам придётся встретиться на этом пути. С другой стороны, нам естественно, нужно было учитывать специфику аудитории, то есть тот факт, что наши студенты в данном случае – носители итальянского языка, поэтому работу с ними мы строим на основе сопоставительного анализа родного и обучаемого языка, на основе контрастивности, тем более, что речь идёт о будущих переводчиках, для которых очень важно усвоить навыки правильного выбора эквивалентов. Ставя в центр внимания сравнительно-сопоставительный анализ итальянского и русского языков, мы вслед за Смирницким считаем, что *разница* между любыми двумя языками заключается *не в их способности* выражать те или иные значения (ибо любой язык может выразить любое значение), а в том, *какими средствами выражаются* значения в каждом конкретном языке.

В том случае, если в каком-либо языке отсутствует та или иная грамматическая категория, язык выражает её другими средствами. Так, например, *русские видовые глагольные значения* передаются на итальянский язык по-разному, с помощью выбора разных лексических форм. Например, такое предложение: *Tanto era commosso che cominciò a piangere* имеет русское соответствие: *Он был настолько расстроен, что заплакал*, где значению русского глагола совершенного вида соответствует лексическая конструкция *cominciò a piangere*. Или другой пример. Видовая пара русского глагола *знать-узнать* имеет итальянское соответствие *sapere – venire a sapere*.

Отсутствие в одном языке и наличие в другом той или иной категории не исключает возможности передачи значений её с помощью иной конструкции. Так, несмотря на то, что в русском языке нет артиклей, категория определённости-неопределённости может быть выражена с помощью других языковых средств, например, с помощью порядка слов. Так следующие два итальянских предложения, в которых категория определённости-неопределённости выражена с помощью артиклей, на русский язык передаются с изменённым порядком слов: *Una donna entrò nella camera; la*

donna entrò nella camera. Русские соответствия этих предложений: *В комнату вошла женщина*. И второе: *Женщина вошла в комнату*. Как правило, актуальное членение предложения в русском языке передаётся чаще всего порядком слов или интонационными средствами, а в итальянском наряду с порядком слов используется и *местоимённая реприза*. Например, такое предложение как: *Франческо я знаю хорошо* – имеет итальянское соответствие: *Francesco lo conosco bene*. Возвращаясь к контрастивности русских и итальянских глагольных конструкций, следует отметить, что хотя в русском языке отсутствует такая разветвлённая система глагольных времён (например, в прошедшем времени) и нет необходимости в согласовании временных глагольных форм в рамках сложного предложения, всё же у итальянских студентов есть свои трудности при изучении русских глаголов. Так, довольно много сложностей возникает у них при изучении русских глаголов движения, так как в них часто выражается способ передвижения, что нередко отсутствует в итальянских глаголах, таких как *andare, camminare*. В формах будущего времени у русского глагола нет модального значения, в отличие от форм итальянских глаголов в Futuro semplice, поэтому при передаче на русский язык предложений типа: *Lei ricorderà quanto abbiamo fatto per lei* требуется введение дополнительного модального члена и переводится такое предложение как: *Вы, вероятно, не забыли, сколько мы сделали для вас*.

Как правило, у неличных форм глагола в итальянском языке (инфинитива, *participio*, например) может быть свой субъект, не совпадающий с субъектом глагола в личной форме. В русском же языке субъект неличных форм (инфинитива, причастия и деепричастия) всегда должен совпадать с субъектом глагола в личной форме, поэтому пословице *”L'appetito vien mangiando”* соответствует русская *„Аппетит приходит во время еды”*, где одна из двух глагольных форм итальянского предложения должна была быть заменена на форму отглагольного существительного *еда*.

Сопоставляя модели русских и итальянских предложений, следует обратить внимание учащихся на то, что в русском языке нормативно употребление личных местоимений в функции подлежащего, а в итальянском нормативно опущение местоимений, и появляются в предложении

они только тогда, когда это необходимо для различения лиц (например, в *Congiuntivo*). Особое место в сопоставлении русских и итальянских конструкций занимает причастие. Хотя в отношении как употребления причастий, так и согласования его с другими частями речи есть много общего в итальянских и русских причастных конструкциях, всё же значительны и различия между ними. Так, если причастия и причастные обороты в русском языке являются принадлежностью научного стиля речи, а разговорному стилю они не свойственны, то в итальянском разговорном языке они встречаются намного чаще, чем в русском. С другой стороны, итальянское причастие участвует при образовании сложных перфектных форм глагола, а также является частью так называемой абсолютной конструкции, чего нет в русском языке. Русские действительные причастия настоящего времени употребляются чаще, чем итальянские *participi presenti* и чаще выступают в составе причастных оборотов. Русские же страдательные причастия настоящего времени не находят себе соответствия в итальянском языке и могут быть переведены с помощью *frase relativa* (*che* + страдательный глагол), например, *создаваемый* = *che è creato*.

Русские страдательные причастия настоящего времени, в отличие от итальянских *participi*, не могут образовывать оборотов, аналогичных итальянской абсолютной конструкции. Значения, передаваемые этой конструкцией, в русском языке выражаются деепричастным оборотом или придаточным предложением: *Написав письмо, я пошёл опустить его* = *Scritta la lettera sono andato a imbucarla*.

Проводя сопоставительный анализ различных языков, следует иметь в виду, что разница между языками заключается также в том, что те или иные значения в одном языке могут отсутствовать или быть неразличимыми, тогда как в другом они обязательны и различимы. Например, в русском языке *рука* – это верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев (Ожегов 1973: 632), поэтому итальянское *la mano* и *il braccio* в русском языке имеют один эквивалент. Такое же положение со словами *la gamba* и *il piede*. Хотя в русском языке есть такие эквиваленты, как *бедро*, *голень* или *ступня*, но они, как правило, употребляются в анатомии, в общепотребитель-

ном же языке эти понятия передаются в большинстве случаев недифференциально, как *нога*.

В заключение следует отметить, что нередко несовпадения ИЯ-а и РЯ-а наблюдаются на уровне узуса. Несовпадение сигнификативных значений особенно ощутимо в тех случаях, когда речь идёт о метафорах, пословицах и поговорках, т.к. различия культурно-социального, этнического и исторического характера не могут не сказаться на образных ассоциациях. Так, если поговорка "Andare a letto con i polli" легко передаётся на русский язык выражением *Ложиться спать с курами*, то такая поговорка, как "Essere un buon pollo" уже никакого отношения к курам не имеет в русском языке, так как такого человека называют обычно *простаком* или *простофилей*.

Итак, обучение переводу – это обучение определённым переводческим трансформациям. Необходимость же в определённых переводческих преобразованиях вызвана несовпадением ИЯ-а и РЯ-а на уровне системы, нормы и узуса, т.е. тем, что в ИЯ-е и РЯ-е не совпадают средства выражения эквивалентных значений или средства описания аналогичных ситуаций. И задача преподавателей-практиков заключается как раз в том, чтобы привить студентам навыки ориентации и научить их выбирать правильный путь при переводе с одного языка на другой. Как говорил Корней Чуковский: „Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а улыбку – улыбкой, музыку – музыкой, душевную тональность – душевной тональностью”.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобылёв, Ю.А.
1992   *Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках*, МаксОР, М. 1992.
- Гак, В.Г.
1977   *Сопоставительная лексикология*, М. 1977.
- Гак, В.Г. и Львин, Ю.И.
1970   *Курс перевода. Французский язык*, М. 1970.

- Гак, В.Г. и Ройзенблит, Е.Б.
1965 *Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков*, М. 1965.
- Грамматика и семантика романских языков*
1978 *Грамматика и семантика романских языков*, М. 1978.
- Грамматика современного русского языка*
1970 *Грамматика современного русского языка*, М. 1970.
- Латышев, Л.К.
1981 *Курс перевода*, М. 1981.
1988 *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания*, М. 1988.
- Львовская, З.Д.
1985 *Теоретические проблемы перевода*, М. 1985.
- Ожегов, С.И.
1973 *Словарь русского языка*, М. 1973.
- Словарь иностранных слов*
1980 *Словарь иностранных слов*, М. 1980.
- Смирницкий, А.И.
1957 *Синтаксис английского языка*, М. 1957.
- Petuhova, T.
1994 *Magyar-ország közgazdasági szótár*, Aula Kiadó, Budapest 1994.

ABSTRACT

Transfers, Offers, Dividends and Other: the Experience of Teaching Translation and Interpretation to Postgraduate Italian Students at the University of Economic Science in Budapest.

This paper examines present transformations in Russian economic terminology. The authors compare a series of Russian and Italian phraseological models which have no equivalence in the other language, illustrating possible translation transformations.